

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524
Ф75

Предисловие

Публикуется по изданию:

Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии.
(Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) //
Архив русской революции. Т. 20. Берлин, 1930.

Фокке, Джон Гугович

Ф75 Брестский мир: На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) / Предисл. А. В. Лучникова, В. В. Хасина; примеч. В. Е. Климанова. — М.: Кучково поле, 2017. — 384 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9950-0833-0

Воспоминания Джона Гуговича Фокке (?–1925), непосредственного участника дипломатических переговоров в Брест-Литовске, ознаменовавших выход России из Первой мировой войны, написаны с горькой иронией по отношению к руководству большевистской делегации. Автор, бывший высокопоставленный офицер Генерального штаба царской армии, был приглашен к выработке условий по заключению мирного договора Советской России с кайзеровской Германией в качестве одного из ведущих военных экспертов. Мемуары Д. Г. Фокке, предлагаемые ныне читателю, стали ярким и живым свидетельством о переломной для России и мира эпохе.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0833-0

© ООО «Кучково поле», 2017

Внешняя политика в Российской империи практически всегда была мерилом правильности внутриполитического курса. Успешность правителя и элит во многом рассматривалась обществом в контексте их международной деятельности. Брестский мир стал важной частью образа погибающей России, для подавляющей части русской элиты, вне зависимости от политических убеждений этот мир — символ позорного итога как войны, так и русской революции. Для большевиков «похабный», но необходимый мирный договор был важнейшим инструментом удержания власти. Для всех остальных — это с одной стороны национальная трагедия, с другой — важный фактор пропаганды, инструмент стигматизации, средство представить большевиков предателями интересов общества и государства, чужеродным элементом русской истории. Брестский мир стал вторым после разгона Учредительного собрания рубиконом, отделившим большевиков от остального политического пространства страны. В январе 1918 года от большевиков отвернулись все политические силы, а в марте они потеряли последних союзников — левых эсеров. В глазах общества Брестский мир перечеркнул все жертвы Первой мировой войны, предал

интересы трудящихся всего мира по мнению представителей левого движения.

Воспоминания Джона Гутовича Фокке — это позиция штабного офицера, привыкшего оперировать и мыслить масштабами военных карт и цифрами военной статистики, в которой каждый элемент должен быть системно увязан с другими. Взгляд сквозь эту призму и обуславливает недопонимание автором событий глобальной политической важности. Для него на первом месте стоят, к примеру, детали соглашения перемирия относительно статуса Моонзундских островов, а пренебрежение политических руководителей делегации к этим частным вопросам становится символом предательства национальных интересов. Фокке раздражают описки в употреблении военно-морских терминов, он полагает, что только военные консультанты работают, а «красные» делегаты занимаются болтовней. Большевики же, со свойственной им тягой к построению глобальных схем как во внутренней, так и внешней политике, не выносили на повестку дня эти детали. Они оперировали иными масштабами: удержаться у власти, провести мировую революцию. Разменной монетой здесь выступали не квадратные метры на островах Балтийского моря, а государства: Украина, Польша, Финляндия, Прибалтика. Сосуществование разных миров, не способных найти общий язык, необходимо учитывать при прочтении мемуаров.

Россия была военно-бюрократической империей, где военные играли преобладающую роль в иерархии. Но мир изменился, задачи управления империей требовали изменения властных отношений между военными и гражданскими. Россия при Николае II не произвела подобной перестройки, и последний император больше доверял военным, что

выразилось в принятии им поста Главнокомандующего. Неприятие же штатской бюрократии вылилось в министерскую чехарду.

В армии в свою очередь тоже происходили тектонические сдвиги. За годы войны костяк военной бюрократии — кадровое офицерство — понесло потери. В первую очередь это касалось обер-офицерских воинских чинов. Активное инкорпорирование в эту сферу представителей гражданской среды — вчерашних крестьян, учителей, представителей свободных профессий не привело к размытию офицерской идентичности, а сместило социальный конфликт в армии с линии солдат — офицер на линию штаб-офицер — обер-офицер. В это же время сложные иерархические перегородки в армии, касавшиеся взаимоотношений офицеров и солдат, постепенно заменялись горизонтальными отношениями воинского братства. Но восприятие этого братства было разным. Коллективистские общинные связи у традиционного крестьянства, многократно усиленные войной, отличались от утрированных замкнутостью фронтовой обстановки национальных представлений обер-офицерства, т. н. «окопного братства».

Отношение к выходу из войны стало одним из ключевых факторов и линий раскола в Великой революции, но оставалось исключительно следствием вопросов имагологического свойства. Представители крайне эклектичного, постоянно менявшего конфигурацию политического калейдоскопа, сложившегося в России в этот период с цифрами в руках доказывали объективность собственного видения «вопроса о мире», но их выводы основывались не на фактическом знании, а лишь на убеждении. Так, при всей антипатии к происходившему, при уничижительных оценках «коллег» по мирным переговорам,

чувство сопричастности великому, осознание себя частью мировой истории не покидает автора.

Именно поэтому апологеты событийной истории вряд ли найдут в сочинении Д. Г. Фокке много нового. Эта работа примечательна не объективной стороной, так или иначе уже подробно освещенной, а своим субъективизмом. Достойны внимания социально-психологические аспекты, внутренний мир военного человека, переживающего крах основ собственного социального бытия, его оценки происходящего, восприятие революционного окружения как косной массы, охлоса, бьющего в равной степени по чужим и своим. Подобно любому представителю традиционного мира, закрепляющемуся в общественной структуре в том числе и за счет внешних признаков, автор цепляется за любые проявления своего статуса. Выходец из небогатой прибалтийской мещанской семьи, Джон Гутович Фокке воспринимает отсутствие ординарца как «деталь офицерского унижения», которую нельзя афишировать перед германскими визави. Прослуживший всю Первую мировую войну в чине капитана, а в период функционирования Временного правительства буквально взлетевший до полковника, Фокке обвиняет правительство в том, что оно своей политикой размыло офицерский корпус. Внешние детали расцвечивают стереотипизированную картину, и разрушение вертикальных связей в армии ассоциируется не с Приказом №1, отменившем субординацию, а с алыми бутонарьками, шинелями-клеш, «нарочным локтем в бок» и небритостью рядового состава армии.

Кадрового офицера Генерального штаба Д. Г. Фокке шокировал состав приехавшей делегации для ведения переговоров о перемирии. В них воплотились все наиболее отрицательные для русского военного

черты: штатские, интеллигенты, представители левых взглядов, популисты, инородцы. Именно в этих руках оказалась судьба и России, и армии.

Практически идентичными будут представления и немецких офицеров через год. Миф о «кинжальном ударе в спину» со стороны социал-демократии и распропагандированного ей рядового состава армии в период Ноябрьской революции 1918 года вызрел в кругах германского офицерства, возложившего ответственность за крушение империи на гражданское население, менее стойко переносившее тяготы войны и поддавшееся антигосударственным настроениям.

Неудивительно, что противник, предложивший России практически невыносимые условия мира, импонирует автору гораздо больше, чем «свои». Ведь это не его Россия. Его страна исчезла в пламени революционного пожара, и автору нет дела до варваров, праздно шатающихся по пепелищу. Устав как высший авторитет, отношения рядового и офицерского составов, — все составляющие общности образа «правильной войны» роднили автора с немцами намного сильнее, чем институциональные связи с сослуживцами. Важно и другое — штабной офицер Д. Г. Фокке, не принимавший участия в боевых действиях, также находился в плену идеализированных стереотипов «окопного братства». Для него иллюминированные германские блиндажи, обставленные мягкой мебелью являются не показателем лучшего снабжения, а лишь маркером воинской идентичности, стремления к порядку. Так бы могло быть и в русской армии, если бы не «красный Питер».

Разница в рецепции Брестского мира демонстрирует, что русское общество не было единой нацией. Большая часть крестьянского населения, которому

вас видеть. Могу ли я не узнать Ваше Императорское Величество.

Контр-адмирал Альтфатер немного смущен.

— И все-таки я не тот, за кого вы меня принимаете, батюшка. Спросите у других. Они вам подтвердят, что я контр-адмирал Альтфатер.

Раздаются подтверждающие голоса, но создавшуюся в представлении священника живую легенду не так просто разрушить. У батюшки на лице досада, — почему бы не довериться ему — и он прощается со словами:

— Все равно вы меня не разубедите.

Расходимся.

Зайдя в помещение делегационного телеграфа, случайно узнаю, что Карахан наладил через кого-то из немецких офицеров связь с окрестными польскими крестьянами. Ничего политического в этой «смычке» не было, но деньги интересовали секретаря советской делегации много больше политики. Оказалось, что несмотря на германскую оккупацию и революцию в России, у крестьян доверие к царским сторублевкам-«катенькам» куда больше, чем к германским ост-маркам: они охотно платят по 350 марок за одну сторублевую бумажку.

Сообразительный Карахан срочно потребовал от Смольного денег, в которых будто бы остро нуждается делегация, и по «юзу» выписал из Петербурга с фельдъегерем на десятки тысяч таких сторублевок. В Петербурге за одну германскую марку платили уже восемь рублей.

Глава 14

Договорились

Первая цифра осилена. — Иоффе почувствовал себя стратегом. — Гарантирует ли господин Каменев переброску американских войск? — На разных точках зрения. — Намек на возможность обхода договорных условий. — Мы рвем с союзниками, — вот наша гарантия. — В 28 дней армию все равно не перебросишь. — Каменев ловит Гофмана. — Гофман в нетерпении. — Телеграмма от русских через Германию. — Вопрос о смене частей для отдыха. — Принимают от немцев «взятку». — «Излечение ран, нанесенных цивилизации». — Альтфатер-бенефициант. — Переводчик растерялся. — Русский флот без базы или немцы без доступа в Ригу с моря. — Средняя демаркационная линия. — Подписание

— Открывая заседание, от имени Германии и союзных держав заявляю о желании слушать русские предложения.

Этой, ставшей стереотипом, фразой генерал Гофман открыл вечернее заседание конференции того же 30 ноября (13 декабря) в 17 часов.

Иоффе: Предложения были сделаны, и мы должны были получить ответ на них со стороны Германии и ее союзников.

Генерал Гофман вновь приступает к рассмотрению I-го пункта, которое на этот раз идет, как по маслу. Уполномоченный Германии подчеркивает, что «разногласие существует лишь в словах, а не в смысле», и что приближение заключения

мира — общая цель сторон. Каменев дает и точную формулу:

«Перемирие начинается 15 декабря н. ст. в 12 часов дня и продолжается 28 дней, до 12 января н. ст. 12 часов дня. Обе стороны могут отказаться от перемирия не раньше 21 дня. Если этого не произойдет, перемирие продолжается до тех пор, пока одна сторона не откажется от него с предупреждением за семь дней. Таким образом, ранний срок начала враждебных действий — 12 января».

— Текст принимается, — подтверждает Иоффе.

— Первая цифра осилена, — с удовлетворением говорит генерал Гофман, и карандаш в его руках делает особенно энергичную пометку.

Конференция переходит к обсуждению II-го пункта о «неперебросках». Генерал Гофман указывает на необходимость следовать немецкому тексту, а Иоффе, почувствовав себя стратегом, принимается разбираться в войсковых соединениях:

— Затрудняемся понять, почему нужно признавать именно дивизию, а не роты боевого значения, как, например, железнодорожные.

Генерал Гофман методично повторяет все, им ранее сказанное:

— С нашей стороны проявлена больше, чем предупредительность. Мы от своего предложения отказаться не можем. Объясните нам причину несогласия с нашей формулировкой, дайте доводы, аннулирующие наше предложение. Мы их не видим. Перемирие должно улучшить положение сторон, а не ухудшить.

Иоффе отвечает доводом альтфатеровской записки, прочитанной в первый приезд:

— Если будет сохранена формулировка «силой дивизии и выше», это можно понимать, как разре-

шение в целях наступления переброски сил меньше дивизии. Переброска, таким образом, все-таки будет продолжаться. Такой характер перемирия не может способствовать присоединению к нему союзников.

Ссылка на союзников нервирует генерала Гофмана:

— Передвижение и перегруппировка в настоящее время уже производятся по ранее отданным приказам, а потому после заключения перемирия они должны продолжаться, иначе положение Германии будет ухудшено. Ваши условия неприемлемы не только по соображениям стратегическим, но и моральным. Вскрывая ваш смысл слов «свыше полка», мы видим, что положение вещей не изменяется, так как вы считаете невозможным даже переброску отдельных батальонов из полка. Положение остается прежним. Оно — на пользу держав Согласия и продолжения европейской войны. Германская делегация спрашивает русскую, какие гарантии может дать Каменев, что союзники России не будут усилены переброской американских войск из Соединенных Штатов.

— Мы стоим на разных точках зрения, — парирует Каменев. — Задача нашего договора такова: усилить мирные движения в странах Антанты. Само уже заключение договора между Россией и Германией предполагает усиление Германии, которая сможет давить на страны Антанты и этим усилить в них мирное движение. К двенадцатому января западные народы могут заставить свои правительства вступить на путь России и Германии, но для этого западные страны не должны находиться под угрозой со стороны Германии, иначе Клемансо и Ллойд-Джордж получают силу продолжать войну.

— Я держусь противоположной точки зрения, — отвечает генерал Гофман. — Всякое условие, налагающее на Германию стесняющие ее обязательства, вызовет усиление не пацифистского движения, а как раз наоборот. Всякое условие, связывающее Германию, может быть использовано в странах Согласия, как момент ее слабости.

Прения принимают оживленный характер. Передаю их по протоколу, нигде не опубликованному:

Иоффе: О слабости Германии речь идти не может. Нужно только иметь в виду стремление вызвать в народах пацифистское движение, и в этом смысле вопрос, может быть, понимаем одинаково, как со стороны России, так и со стороны Германии, у которых — общие интересы. Иначе, возможно понять, что Германия использует перемирие лишь в целях агрессивных, а отнюдь не пацифистских. Утром нами указывалось, что Германия и ее союзники не будут пользоваться для давления на Западном фронте заключенным с Россией перемирием только до 12 января. В целях ясности нам необходимо иметь в этом уверенность.

Гофман: Напоминаю, что уже сегодня утром я считал неприемлемым русский текст настоящего пункта даже в несколько измененной форме. Что ж, отложим окончательное его редактирование. Но в том, что мы не можем допустить наложения на нас таких стеснений, не должно оставаться никаких сомнений. Кроме того, я не могу принять без возражений утверждение, что борьба за мир начата российским правительством: первые шаги к миру были сделаны Германией и ее союзниками.

Каменев: Здесь теоретические споры неплодотворны. Вопрос заключается лишь в том, можно ли

сделать обязательство о переброске войск более точным. По-моему, оно будет точнее, если слово «дивизия» заменить словом «полк».

Гофман. Считаю нужным заметить, что Верховное командование Германии производит постоянные передвижения войсковых частей и что затем нет ничего легче, чем обойти смысл предложенного изменения. Практически это может осуществиться хотя бы так: будет лишь заранее приказано, а самые передвижения до момента необходимости производиться не будут.

Каменев. Все, конечно, можно обойти, но я считаю с доброй волей сторон. С договором в руках мы идем на разрыв с союзниками, с которыми дружили три года. Вот — наша гарантия.

Гофман. Россия помогла союзникам больше, чем они — России. Всякое стесняющее нас условие будет истолковано как давление на Германию и как признак ее слабости.

Иоффе. Тут разница в точках зрения. Мы находим, что, если, вопреки установлению перемирия, будут производиться переброски, мы дадим Германии возможность использовать перемирие, как давление на союзников. Это приостановит движение в пользу мира, имеющееся уже налицо в странах Антанты. И наконец нужно подчеркнуть: раз принят вообще вопрос о переброске до 12 января, непонятно, почему не принимается наша редакция. Почему неискренне говорить «передвижение», раз это звучит не открыто.

Гофман. Первоначально Германия в договоре о приостановке военных действий не давала обещания не сосредотачивать войск против западных держав, как и против России. Такое обещание было дано лишь впоследствии по просьбе русской деле-

гации. В принятой для приостановки военных действий редакции допущено то, дальше чего идти уже нельзя.

Иоффе. Указание «дивизия и свыше» сводит переброску до 12 января на Западный фронт на нет. Будет понятно, если ввести слова «не более одной дивизии».

Гофман. Это не исключает, а лишь ограничивает. Дивизия — оперативная единица, и без последствий нельзя брать из нее отдельных полков. Сначала совершенно не было ограничения в смысле переброски войск. Затем было указано: не более одной дивизии. Больше уступок делать нельзя. Я имею перед собой договор, заключенный между 3-й, 10-й и 2-й русскими армиями и генералом Эйхгорном. Пункт 9 там также гласит о запрещении передвижений, а дальше объяснено, что «более крупное передвижение, чем 4 дивизии, не разрешается». Вот это ведет куда дальше, чем то, что здесь было предложено.

Каменев смеется.

Иоффе. Этот пункт настолько важен, что, если не найдем пути соглашения, то предлагаем либо сейчас сделать перерыв, во время которого мы снесем с Петроградом, либо же перейдем дальше, отложив спорное.

Гофман. Считаю более правильным снесение с Петроградом (Соглашается на перерыв, но продолжает аргументировать). Итак, 21 день — основной срок. В 28 дней срока перемирия невозможно производить передвижение армий.

Каменев. Если бы это было точно сформулировано генералом так, чтобы политический расчет, вкладываемый нами в этот пункт, оправдался, тогда бы демократические массы, на которые мы опираем-

ся, были бы ясно осведомлены о том, что пункт означает.

Гофман. Это — вопрос политического убеждения. Г[осподи]н Каменев стоит на противоположной моей точке зрения.

Каменев. Но генерал так или иначе сказал, что в 21 день перебросить армию для боя нельзя.

Гофман. Подтверждаю.

Каменев. Нам важно выразить это в определенной формуле. Если переброска войск в 21 день невозможна, то введением этого в формулу перемирия наше желание будет удовлетворено.

Гофман. Это требование звучит унижительно для Германии, и так как практически это безразлично, мы можем сказать: «не производить более крупных перебросок...»

Каменев. А если мы скажем откровенно то, что здесь только что выражено: «не предпринимать перебросок для оказания давления на страны Антанты, превышающего обычные размеры»? Предлагаемое перемирие не может быть употреблено для удара на Западный фронт силами, находящимися у нашего фронта.

Гофман. Не можем взять на себя обязательство не производить перевозок небольших частей, так как распоряжение о том, что может быть снято с Восточного фронта, уже последовало.

Иоффе. Я должен указать, что в борьбе за мир, которую мы проводим, нужно считаться с представлением невоенных людей, которым кажется, что частыми перебросками мелких частей может быть перевезена целая армия.

Гофман. Я уже сказал, что германское Верховное командование не может связать себя обещанием не перебрасывать мелких частей. Само собою ра-

зумеется, что большие части перебрасывать невозможно.

Каменев. Мы не сомневаемся, что фактически вопрос стоит именно так, что перебрасывать можно лишь мелкие части. Мы не хотим лишь, чтобы нам был брошен упрек, что за время перемирия на Западном фронте, помимо войск, там находившихся, было произведено давление, которого не было раньше, до перемирия. Иначе это меняет для нас всю политическую ситуацию.

Иоффе. Можно ли это зафиксировать так: «не усиливать на фронте от Балтийского до Черного морей изменения числа дивизий, находящихся к моменту начала перемирия».

Гофман. С одной стороны, 21-дневный срок слишком короток для переброски в бой и возвращения армии обратно. Расстояние слишком велико. С другой стороны, я не могу взять обязательство отказаться от переброски небольших частей.

Иоффе. К этому пункту можно сделать добавление такого рода: «за исключением небольших передвижений, вызываемых техническими условиями».

Гофман. В виду невозможности сейчас разрешить этот вопрос и возможности этого лишь после переговоров с Петроградом, предлагаю перерыв на час или на какой-нибудь другой удобный срок.

Иоффе. Предлагаю сегодня вообще не заседать, тем более, что при переговорах с Россией нужно считаться с тем, что там из-за двухчасовой разницы во времени теперь слишком поздно — 8 часов 30 минут.

Гофман. Можно, заимствуя слова г-на Каменева, формулировать так: «В силу доброго стремления русского правительства побудить своих союзников к участию в переговорах об установлении всеобще-

го перемирия и во избежание влияния на них усиленного давления войск Германии и ее союзников, договаривающиеся стороны обязуются, по особому желанию русской делегации...»

Иоффе. Это можно добавить.

Гофман. В частности, в давлении против англичан при Камбре оказала содействие дивизия, перебросенная с русского фронта. Так как же: принять поправку с новой вступительной частью и включив в нее «более крупных войсковых единиц», или же нет?

Каменев. Можно было бы, не вводя этого в текст пункта, дополнить договор торжественным заявлением германского правительства или командования, что, идя навстречу желаниям русского правительства, оно обязуется для оказания особого давления на народы Антанты не производить более или менее крупных действий...

Гофман (с нетерпением). Предлагаю начать пункт следующими словами: «Ввиду особенного желания русской делегации, которая все еще надеется, что союзники примкнут к перемирию, договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать более крупных передвижений».

На этом бесплодный спор сторон неожиданно окончился, чтобы впоследствии не возобновиться: пленум конференции к вопросу о «неперебросках» больше не возвращался, общую формулу нашли в заседаниях редакционной комиссии на следующий день.

Выходом для генерала Гофмана явилась переданная в зал заседаний телеграмма от германского Верховного командования. В этой телеграмме содержалось каким-то образом (очевидно, через перебежчиков) переданное требование русских во-

инских частей, включенных в союзнические армии, о вывозе их в Россию. Германская делегация усиленно подчеркивает, что русские солдаты обращаются к новому правительству не через союзников, а через Германию, в которой уже не видят врага и в близком сговоре с которой вполне уверены.

Телеграмма производит впечатление, отвлекая общее внимание от рассматриваемого вопроса.

Генерал Гофман быстро заканчивает заседание, предлагая принять весьма важное для Германии дополнение ко II-му пункту:

— Пункт II-й можно дополнить еще следующим: «смена частей разрешается». Дело в том, что германское командование и теперь уводит дивизии в тыл, на удобные квартиры с целью сменить их на короткое время для отдыха. На один день поэтому нужно допустить подвоз к месту смены лишней дивизии, которая должна занять положение уводимой, а эта последняя уходит сразу же, на следующий день. Мы должны об этом предупредить, чтобы смена не была поводом к нежелательным последствиям.

Иоффе сразу же соглашается на это с тем, чтобы в формулировку дополнения было введено слово «обычная»: «обычная смена частей разрешается».

— У нас других смен и нет, — смеется генерал Гофман. — При нашей системе смена частей есть лишь льгота для тех солдат, которые несут окопные тяготы. Такая же смена необходима и возможна и для русских солдат. Эта оговорка должна быть принята в интересах солдат обеих сторон, гарантируя им более продолжительный отдых.

— Это принимается, — согласен Иоффе.

В 19 часов 20 минут перед самым обедом заседание закрывается, с тем, чтобы возобновиться в девять часов утра на следующий день.

В обстановке штабного офицерского собрания горячности генерала Гофмана как не бывало. Прежние любезные разговоры, лишний предложенный стакан вина, лишняя улыбка единственной даме Биценко, атмосфера подчеркнутой дружественности и уверенности, что полная договоренность близка.

Большевики, сами того не замечая или не желая замечать, поддаются на удочку любезного внимания хозяев. Ими принято, например, великодушное предложение Ставки Восточного фронта, установившего специально для советской делегации в районе Брест-Литовска курс русского рубля по довоенному расчету: один рубль — две германских марки. При дешевизне германских товаров это позволяет большевикам обзаводиться многим необходимым за бесценок.

Но, принимая такую финансовую «любезность», большевики косятся на невиннейшие проявления внимания германского офицерства к русскому в обстановке собрания. Карахан даже умудрился создать целый «вопрос» из такой естественной мелочи. Во время обеда у меня был разговор в общей форме с майором Генерального штаба Вахенфельдом о первом периоде войны. Я высказывал личное мнение, что Германия сделала непоправимый промах, не направив всех своих сил на Францию осенью 1914 года, и проиграла сражение на Марне, задавшись целью одновременно остановить русское наступление в Восточной Пруссии. Сначала мой собеседник со мной не соглашался, но, придя в благодушное настроение после обеда, но обычной у немцев между собой манере, похлопали меня по плечу и произнес, приглашая меня в гостиную: